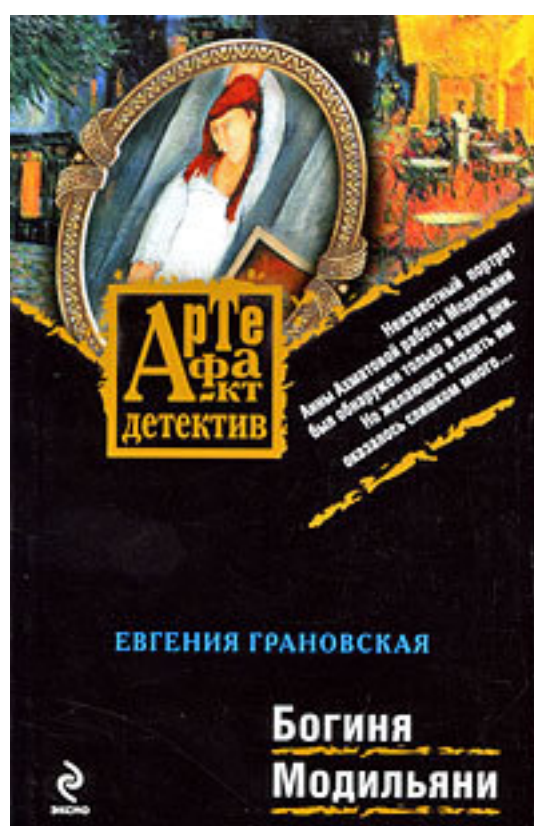

ЕВГЕНИЯ ГРАНОВСКАЯ

Богиня Модильяни

Неизвестный портрет
Анны Ахматовой работы Модильяни
был обнаружен только в наше время.
Но жаль, что в наше время
не удалось спасти много...

Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов

Евгения Грановская
Богиня Модильяни

«ЭКСМО»

Грановская Е.

Богиня Модильяни / Е. Грановская — «Эксмо», — (Марго Ленская и дьякон Андрей Берсенов)

ISBN 978-5-699-33264-9

Журналистка Марго Ленская не удивилась, увидев на своем пороге курьера, – она только что развелась с мужем-художником, который должен был передать ей оставшиеся в квартире вещи. Однако вместо них она получила картину – какую-то бездарную мазню своего бывшего! Кипя от негодования, Марго хотела швырнуть «шедевр» ему в лицо, но, не дождавшись встречи, продала картину первому встречному за сто долларов. А вернувшись домой, обнаружила, что в ее квартире побывали незваные гости и перевернули все вверх дном... Оказалось, посылка предназначалась вовсе не Марго и это не картина ее бывшего мужа, а неизвестный портрет Ахматовой работы Модильяни. Как она могла своими руками отдать его незнакомцу?! Что ж, Марго постарается исправить свою ошибку и вернуть полотно. Но для этого ей надо опередить опасных конкурентов...

ISBN 978-5-699-33264-9

© Грановская Е.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
1	6
2	9
3	12
Глава 2	14
1	15
2	16
3	18
4	20
5	25
6	28
7	31
8	33
9	34
10	38
11	40
Глава 3	45
1	46
2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгения Грановская Богиня Модильяни

Глава 1 Странный художник

Париж, июнь 1910 года

1

Николай закурил папиросу и, выпустив дым, сказал:

– Ты обратила внимание, как здешние мужчины смотрят на тебя? Ты производишь настоящий фурор. Один франт, по виду – успешный стряпчий, сказал тебе вслед: «Она похожа на пантеру!»

Анна взглянула в окно кафе на проходящих мимо людей и пожала плечами:

– Может быть. Я не обращаю внимания. А ты что, ревнуешь?

– С какой стати? Мне льстит, что моя жена нравится мужчинам. Вот если бы кто-нибудь из них позволил себе грубость, я бы содрал с него шкуру живьем.

Анна прищурила глаза и вновь посмотрела в окно. На улице какой-то мужчина, довольно потасканный с виду, флиртовал с торговкой цветами – совсем еще юной, белокурой девушкой.

– И все же здешние мужчины слишком раскованны, – сказала Анна. – И мне от этого немного не по себе.

– Что делать. Ты красивая женщина, и от мужских взглядов тебе никуда не деться.

– Я вовсе не красивая, и ты это знаешь. Моя внешность далека от модных канонов. Просто я иностранка. Экзотика в некотором роде.

– Именно за это я тебя и полюбил, – засмеялся Николай. – Ты ведь знаешь, как я отношусь к экзотике!

Он взял ее руку и быстро поднес к губам. Анна посмотрела на него задумчивым взглядом.

– Коля, в этом сером Париже я умираю от скуки, – сказала она.

Николай взглянул на молодую жену удивленно.

– Тебе не кажется, что это звучит дико? – сказал он. – Умереть от скуки в Париже!

Анна вздохнула:

– Ты целые дни бегаешь по музеям, а я сижу в четырех стенах. Как какая-нибудь пленница.

– Я предлагал тебе ходить со мною.

Анна поморщилась:

– Ты же знаешь, я этого не выношу. От музеев у меня делается мигрень. – Анна отпила вина, подперла щеку кулаком и грустно посмотрела на мужа. – Сижу одна и грущу. Может, завести черепаху? Она станет ползать, а я смотреть. Все-таки развлечение.

– Не говори ерунды, – проговорил Николай. – Мы почти каждый день ходим в театры и рестораны.

Анна хмыкнула.

– Ну, уж и каждый день. Всего два раза были.

– Неправда. Три.

Анна улыбнулась – сдержанно, как всегда.

– И все равно мне одиноко, – сказала она. – Ты добивался меня несколько лет, брал приступом, как крепость. Теперь я вижу тебя не больше часа в день. А ведь у нас медовый месяц. Пока я была невестой, мы виделись гораздо чаще. Что происходит, Коля?

Николай стряхнул с папиросы пепел и усмехнулся:

– Это называется браком.

Анна грустно покачала головой.

– Не удивлюсь, если по возвращении в Петербург ты снова умчишься в свою любимую Африку. А я буду жить соломенной вдовой.

Николай накрыл ладонью руку жены.

– Не умчусь, – мягко сказал он. – Теперь ты – моя Африка и Америка.

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент перед столом остановился высокий красивый блондин в светлом костюме.

– Николай Степанович? Гумилев! – удивленно проговорил он. – Вы ли это?

Николай посмотрел на блондина и вдруг возбужденно воскликнул:

– Андрей? Линьков? Какая встреча!

Гумилев вскочил со стула, и мужчины крепко обнялись. Люди за соседними столиками стали на них оглядываться, но Гумилев и блондин не обращали на них никакого внимания.

– Сколько лет, сколько зим! – восторженно воскликнул Гумилев. – Чертовски рад тебя видеть!

Блондин перевел взгляд на Анну.

– Ты представишь меня? – проговорил он, учтиво улыбнувшись.

– Да, конечно. Аня, познакомься – это поручик Андрей Иванович Линьков. Мой старый друг. Он отличный офицер и просто хороший человек. Мы с ним вместе охотились на львов в Африке.

– Очень приятно, – сказала Анна.

– А это Анна Андреевна, моя жена, – отрекомендовал Гумилев.

Линьков поцеловал даме руку.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, – проговорил он мягким, красивым баритоном.

«Вероятно, он очень хорошо поет», – подумала, слушая этот голос, Анна.

Гумилев усадил старого друга за стол и потребовал у официанта еще один бокал. Когда бокал был принесен, Николай Степанович наполнил его вином и протянул Линькову.

Тот принял, поклонился.

– За вас, Анна Андреевна! – провозгласил Линьков и сделал большой глоток.

«А он забавный, – подумала Анна. – Похож на американского ковбоя. Было бы здорово обрядить его в сапоги и шляпу!» Линьков заметил улыбку Анны и улыбнулся в ответ.

– Давно ли вы в Париже? – поинтересовался он.

– Несколько дней, – ответил Гумилев.

– В эту пору здесь очень хорошо, – сказал Линьков, обращаясь к супругам. – Еще не наступила изматывающая жара. Правда, через день идут дожди, но не нам, петербуржцам, жаловаться на погоду.

– Это верно, – кивнул Гумилев. – Ну, рассказывай, где ты, что ты?

– Получил наследство и вышел в отставку, – ответил Линьков. – Сейчас веду дела с одним американцем.

«Угадала!» – подумала Анна.

– Что за дела? – поинтересовался Гумилев.

– Тебе это будет неинтересно.

– И все же?

Линьков слегка стушевался.

– Мы изготавливаем кое-какие вещи... для дамского гардероба, – сказал он. – Не стоит об этом. Ну, а ты? Осуществил свое большое путешествие по Азии и Африке?

Гумилев покачал головой:

– Еще нет. Но собираюсь. Кстати, я бы не отказался от хорошего товарища и надежного компаньона. Не желаешь поехать со мной?

Линьков вежливо улыбнулся:

– Коля, я бы с радостью, но я теперь деловой человек. Каждый день расписан по часам. Вот только на три дня и сумел вырваться в Париж.

– А что у тебя здесь?

– Оформлял кое-какие бумаги, касающиеся наследства, – уклончиво ответил Линьков. – Бюрократия процветает не только в России.

– Это точно, – кивнул Гумилев. Он взглянул на часы и нахмурился. – О, черт!

– Ты спешишь?

Николай взглянул на бледное лицо жены и чуть покраснел.

– Видишь ли... У меня назначена встреча с одним профессором этнографии. Мы встречаемся в антропологическом музее, и... Анна выразила желание пойти со мной.

– Что это ты выдумал? – вскинула брови Анна. – Я согласна прыгнуть за тобой в бездну и вскарабкаться на спину дикому слону, но в музей ты меня не затащишь никакими силками.

Николай перевел взгляд на Линькова и пожал плечами.

– Вот так всегда, – проговорил он с досадой. – А потом она жалуется, что я никуда ее с собой не беру.

– Когда я говорю так, то имею в виду совсем другое, и ты это знаешь, – сказала Анна.

Гумилев смутился, но в эту секунду старый товарищ пришел ему на помощь.

– Анна Андреевна, я сегодня устроил себе выходной, – сказал он. – Решил погулять по городу. И если вы и ваш супруг согласны, буду рад совершить эту прогулку вместе с вами.

– В самом деле? – оживился Николай.

– Конечно.

Гумилев перевел взгляд на жену.

– Аня, как тебе такое предложение?

Анна посмотрела на мужа и чуть прищурила серые глаза:

– И ты действительно не против?

– Конечно! – заверил ее Гумилев. – Мы приехали в Париж за удовольствиями. Вот и бери их. И потом, должен же кто-то показать тебе Париж! – Гумилев перевел насмешливый взгляд на Линькова. – Смотри, Андрей, поручаю тебе свою жену и надеюсь, что ты вернешь мне ее в целостности и сохранности.

– Я позабочусь о том, чтобы она не скучала, – пообещал Линьков. – Клянусь честью офицера и охотника на львов!

Мужчины засмеялись.

– Честное слово, жаль, что ты стал дельцом! – весело проговорил Гумилев. – Ну, да это жизнь. Встретимся вечером!

Он поднялся из-за стола, поцеловал Анну в щеку, пожал Линькову руку и стремительно зашагал к выходу.

2

Линьков проводил его взглядом до двери и повернулся к Анне.

– Неугомонная натура, – сказал он.

– О да, – улыбнулась Анна.

Несколько секунд они молчали. Анна осторожно разулась под столом. Туфли были новые и жали неимоверно. Разувшись, она облегченно вздохнула. Восприняв это как сигнал к началу беседы, Линьков сказал:

– Париж – прекрасный город. И он совершенно не похож на Петербург.

– Я еще не успела как следует с ним ознакомиться, – сказала Анна. – Но думаю, что с вашей помощью я... – Внезапно она осеклась и пристально посмотрела на что-то за спиной у Линькова. – Андрей Иванович, – снова заговорила она, слегка понизив голос, – вы не знаете, что за странные мужчины сидят за дальним столиком?

Линьков повернул голову и, не смущаясь, взглянул на трех молодых людей, распивающих вино в самом темном углу кафе.

– Это художники, – сказал он.

– Художники, – тихим эхом отозвалась Анна. – Я в Париже уже несколько дней, но художников вижу впервые.

Линьков пожал плечами:

– Это странно, поскольку здесь они встречаются на каждом шагу. Некоторые из них известны, но в основном это шантрапа всех национальностей. Вон тот, маленький, с черными пронзительными глазами, самый знаменитый. В Париже его любят и ценят, а его картины неплохо продаются по всему миру.

– Как его зовут?

– Пабло Пикассо.

– Я о нем слышала. А тот, что рядом с ним?

– Этот? – Линьков усмехнулся. – Утрилло. Горький пропойца. Рисует только парижские пейзажи. Забавный малый. Часто забывает подписывать картины, а потом, как проспится, не может с точностью сказать, какую из картин написал сам, а какую – его приятель из подворотни.

Анна поджала губы.

– Мне кажется, это страшно, – медленно проговорила она.

Линьков тут же стер улыбку с лица.

– Вы правы, – согласился он. – Эти ребята совсем себя не жалеют. Я слышал, что многие из них балуются кокаином и гашишем. Неудивительно, что реальность на их картинах распадается на части.

Анна чуть прищурила серые глаза и тихо поинтересовалась:

– А тот франт в желтом бархатном костюме и с красным бантом на шее?

Линьков взглянул на «франта».

– Этого не знаю, – сказал он. – Наверняка какой-нибудь бездарный мазила. Их много таскается за Пикассо.

– У него приятная внешность. Если бы не одежда...

– На Монмартре встречается множество подобных попугаев. Если хотите, можем прогуляться по Монмартру.

– Да, конечно. – Анна вдруг покраснела и отвела взгляд от группы молодых художников.

Линьков заметил ее смущение и вновь недовольно взглянул на группу художников. Парень в желтом костюме, о котором они только что говорили, неотрывно смотрел на Анну.

Только сейчас Линьков разглядел, что, несмотря на идиотскую одежду, он был замечательно хорош собой. Смуглое лицо с правильными чертами, густые черные волосы, зачесанные назад, спокойный, доброжелательный взгляд. Он был похож на знатного аристократа, по какой-то странной прихоти напялившего на себя яркие лохмотья.

Вдруг мужчина в желтом костюме поднялся со стула и двинулся к их столу. Линьков нахмурился еще больше. Он знал, что эти чертовы художники, напившись вина, превращаются в настоящих буянов. Их не пугает даже полицейский участок. Ладно, пусть идет. Если позволит себе грубость, придется отвесить ему пару хороших тумаков.

Красавец остановился возле стола, поклонился Анне и сказал по-французски с легким итальянским акцентом:

– Мадам, позвольте вам сказать, что вы самая красивая женщина в Париже. Я художник и говорю это со знанием дела.

Анна взглянула на нечаянного собеседника с любопытством. Незаметно было, чтобы она смутилась. Негромкий голос художника казался горячим, походка – стремительной и летящей, лицо – спокойным, чистым и бесстрашным, как у ангела-воителя, низвергнувшего Люцифера в адскую пропасть.

– Мсье, если вы не заметили, дама здесь не одна, – грубо проговорил Линьков.

Художник на него даже не взглянул.

– Вы смотрели на меня, – снова заговорил он, обращаясь к Анне. – Прежде всего...

– Прежде всего, вы забыли представиться, – сказала Ахматова спокойно.

– В самом деле? – Мужчина смутился. – Иногда я бываю дьявольски неучтив. Но это не из-за невоспитанности, а по рассеянности. Меня зовут Амедео Модильяни. Я художник.

– И, конечно же, гениальный? – с усмешкой спросил Линьков.

Модильяни скользнул взглядом по его лицу и небрежно проговорил:

– Полагаю, это вопрос риторический, и мне не нужно на него отвечать. – Он вновь перевел взгляд на Анну. – Мадам, я бы хотел написать ваш портрет с египетским убором на голове. Думаю, в одном из прошлых воплощений вы вполне могли быть женой египетского фараона. Это читается в вашем лице. И не только в лице. Эта длинная гордая шея, этот изящный, полный достоинства поворот головы... А в ваших северных глазах таится поистине южная страсть. Вы согласитесь мне позировать?

– Послушайте, вы... – зарокотал Линьков и стал угрожающе подниматься с места.

Анна положила ему руку на предплечье:

– Андрей Иванович, прошу вас, не надо затевать скандал.

Модильяни взглянул на бывшего поручика открытым, смелым взглядом.

– Париж кормится скандалами, – сказал он с холодной улыбкой. – И время от времени я даю ему эту пищу.

Несколько секунд Линьков и художник смотрели друг другу в глаза. Если бы взглядом можно было убить, оба были бы уже мертвы.

Анна поняла: еще немного, и эти двое набросятся друг на друга, как дикие звери. Нужно срочно что-то предпринять. Она вынула из кармана платок, положила на край стола, а затем осторожно столкнула его локтем на пол.

Модильяни среагировал мгновенно. Он быстро нагнулся, поднял платок и с учтивым поклоном протянул его Анне.

– Благодарю вас, – улыбнулась она.

– Чертов итальяшка! – выругался поручик Линьков по-русски.

Модильяни вперил в него пылающий взгляд.

– Мсье, позвольте вам напомнить, что вы находитесь в Париже. Соблаговолите говорить по-французски.

– Я буду говорить на том языке, на каком захочу! – все более закипая, заявил Линьков и опять по-русски.

Глаза Модильяни сузились. Его смуглое лицо окаменело. Поняв, что окаменелость эта не что иное, как затишье перед бурей, Анна вновь поспешила сгладить конфликт.

– Господин Линьков говорит, что русскому языку, изобилующему флексиями, свойственна неповторимая гибкость, поэтому он не променяет его ни на какой другой, – спокойно и вежливо сказала она по-французски.

– С этим трудно не согласиться, – проговорил Модильяни несколько озадаченно. Он поклонился Анне и сказал с мягкой улыбкой: – Надеюсь, мы еще встретимся, мадам.

Он повернулся и, сунув руки в карманы своей дикой желтой блузы, беззаботно зашагал к выходу.

– Каков наглец, а? – продолжал кипеть Линьков и после его ухода. – Будь мы в России, я взял бы его за шиворот и свел в полицейский участок. Там бы ему назначили двадцать пять ударов плетью за дерзость. А здесь, в Париже, все смотрят на художников с пиететом и ждут от них каких-то необыкновенных откровений!

Анна улыбнулась.

– Вы сами сказали, что Париж – прекрасный город, – спокойно проговорила она.

* * *

Пять минут спустя Анна удалилась в дамскую комнату. Оказавшись в одиночестве, она быстро сняла туфельку и достала из нее сложенный листок бумаги.

«Vous êtes en moi comme une hantise!»¹ – прочла она и улыбнулась. Все-таки какие эти французы (даже итальянского происхождения) хваты! Одному богу известно, как это Модильяни успел положить в ее туфельку записку. Написал-то он ее заранее, это понятно.

Улыбаясь, Анна скользнула взглядом ниже и слегка нахмурилась. Это был адрес мастерской. «Неужели дерзкий юноша думает, что я приду к нему?» – подумала Анна.

Впрочем, рассердиться у нее не получилось. Слишком учтивыми были его манеры, слишком ангельским – лицо и слишком жгучими – его черные глаза. Глаза, которые могут принадлежать только сумасшедшему, убийце или гению.

Вернувшись за столик, она сказала Линькову, что неважно себя чувствует, хочет отправиться к себе и немного отдохнуть. Линьков тут же вызвался проводить ее, но Анна отказалась под тем предлогом, что обожает одинокие прогулки по незнакомому городу. Линькова предлог не убедил, но возражать он не посмел.

¹ Вы во мне как наваждение! (фр.)

3

Он встречал эту надменную красавицу и раньше. Это было в Петербурге, пару лет назад. Тогда она была совсем еще юной девушкой, почти девочкой, влюбленной в приятеля Линькова – Володю Голикова-Кутузова.

Голиков-Кутузов был на несколько лет младше поручика, но, познакомившись в одном из значных мест Петербурга, они быстро сдружились. Их объединила любовь к картам, вину и другим, более пикантным удовольствиям, до которых оба были большими охотниками.

Еще до того, как подружиться, они несколько раз пересекались в красной гостиной мадам Жоли. Их вкусы совпадали, поэтому они – невольно, но часто – составляли друг другу конкуренцию, выбирая девушек одного типа: высоких, бледных, черноволосых и худых.

Такой же была и Анна. Голиков-Кутузов поначалу увлекся, даже перестал появляться у мадам Жоли. Вскоре увлечение прошло, и на смену ему пришла всегдашняя скука, отличающая людей авантюрного склада, склонных к частой перемене впечатлений.

Однажды, распивая с Владимиром бутылку шампанского, Линьков сказал:

– Что у тебя с этой девочкой?

– Ты об Анне? – Голиков-Кутузов пожал плечами. – Да ничего. Она была интересна, пока свежа. Сегодня это уже вчерашний день. А почему ты спрашиваешь?

– Я был бы не прочь закрутить с ней, – прямо сказал Линьков.

Владимир усмехнулся – тонко и чуть высокомерно, как всегда:

– Не думаю, что тебе это удастся.

– Почему? – нахмурился Линьков.

– Мы с тобой всегда откровенны друг с другом, поэтому скажу правду. Она никогда не полюбит такого, как ты. Не трать времени.

Голиков-Кутузов отпил шампанского и блаженно прикрыл глаза.

– На что ты намекаешь? – спросил его Линьков.

Владимир покосился на приятеля и спокойно объявил:

– Ты – не ее тип. Она любит мужчин утонченных, с поэтическим взглядом на мир. А ты – солдат.

– Я офицер!

Голиков-Кутузов усмехнулся и кивнул:

– Об этом я и говорю.

На этом все и закончилось. Линьков не решился даже представиться юной красавице. Причина такой нерешительности была проста: Аня совершенно не походила на всех знакомых Линькову женщин. Обладая не слишком богатым воображением, он не представлял себе, как себя вести с подобной «цацей», что ей говорить, как улыбаться.

Анна была похожа на диковатую, нелюдимую кошку, с подозрением, опаской и неприязнью глядящую на людей. Линьков оставил свои намерения, однако черноволосая красавица крепко запала ему в сердце. Он даже купил у Голикова-Кутузова фотографию Ани и часто разглядывал ее по вечерам, предаваясь разнузданным фантазиям.

С тех пор прошло почти два года. Он давно выбросил из головы Анну, как выбросил из кармана ее карточку. Но неожиданная встреча в Париже воскресила его память. Внезапно он почувствовал такое вожделение, по сравнению с которым страсть бедняги Ромео к Джульетте была не сильнее и не страшнее легкого насморка.

Теперь, когда Линьков закрывал глаза, перед его взглядом возникали видения, по смелости сопоставимые лишь с откровенными картинками, встречающимися в специальных французских журналах.

Линьков почувствовал сладострастную истому внизу живота. Кровь его закипела. Будучи человеком решительным и даже наглым, бывший поручик решил воплотить свои эротические фантазии в жизнь. И взялся он за это со всем жаром и со всем коварством, на какие только был способен.

Глава 2

Никогда не разговаривайте с незнакомцем

Москва, сентябрь 200... года

1

Пол – женский. Возраст – двадцать пять лет. Рост – метр семьдесят. Вес – пятьдесят пять килограммов. Волосы каштановые. Глаза зеленые, с чертовщинкой. Знакомьтесь – Маргарита Ленская, в просторечии – Марго.

Созерцать свое лицо с утра – занятие, требующее от женщины немалого мужества. Особенно если с вечера женщина позволила себе... немного расслабиться.

Пустая бутылка из-под шампанского стоит на столе, подобно памятнику женским мечтам. Остатки икры в тарелке, как маленькие красные глазки алкоголика, смотрят на Марго с немым упреком. Вчера днем наша героиня сдала статью и временно оказалась не у дел. Мужа у нее вот уже четыре дня как не было.

Что делает женщина в такой ситуации? Либо вздыхает, либо пьет шампанское. Марго выбрала шампанское.

Спустя час после пробуждения Марго сидела на диване, красила ногти на ногах и, прижав к уху мобильник, выслушивала наставления ближайшей подруги Верки. Когда женщина разводится, все вдруг бросаются ее поучать и утешать.

– Ты правильно поступила, – настраивала ее на нужный лад Верка. – Многие бабы боятся развода. А я считаю, они просто боятся свободы. И потом – все эти переживания...

– Я не переживаю, – сказала Марго, обрабатывая мизинец левой ноги. – Развелись, и дело с концом. Чего теперь-то слезы лить?

– Это правильный подход, – мгновенно поддакнула Верка. – Кстати, помнишь Светку Быстрову?

Перед мысленным взором Марго проплыла клуша с двумя подбородками и целым выводком кричащих детишек.

– Эту толстую корову с интеллектом болонки? – в своем обычном тоне поинтересовалась Марго.

– Ну, во-первых, она не так глупа, как кажется, – мягко возразила ей Верка. – А во-вторых, толстой коровой она стала после развода. До этого у нее была точеная фигурка.

– Вот как? – Марго прищурила глаза, разглядывая ноготь. – Может, и меня разнесет?

Отложив лак, Марго нахмурилась. «Шутки шутками, а вдруг и правда разнесет?» – подумала она.

– Подожди-ка, – буркнула Марго в телефонную трубку, – пойду на весы встану.

Она слезла с дивана и, держась за стенку, на одних пятках подошла к маленьким напольным весам. Встала и охнула. Красная стрелка, маленькая предательница, резко качнулась вправо и – о боже! – впервые за последние три года зашкалила за отметку «57».

– Боже мой! – вырвался из груди Марго громкий вздох. И вслед за ним еще один: – Какой кошмар!

– Что? – взволнованно спросила Верка. – Что случилось?

– Я потолстела на два килограмма, – сказала Марго.

– Это ужасно! – Голос Веры трагически дрогнул. – Дорогая моя, – с чувством сказала она, – я понимаю, как много ты пережила, но ты не должна ставить на себе крест! У меня была одна знакомая, которая тоже развелась, и вот однажды она...

Что случилось с Веркиной знакомой, Марго так и не узнала, так как из прихожей донеслась трель электрического звонка.

– Подожди, – сказала Марго. – Кто-то берет мою дверь на абордаж. Я потом тебе перезвоню.

Марго отключила телефон и пошла в прихожую, делая упор на пятки и стараясь не наступать на пальцы. Открыв дверь, она увидела перед собой незнакомца.

2

У молодого человека были рыжие волосы и конопатое лицо. На вид лет двадцать, не больше. Просто мальчишка, но, боже, какой высокий!

Долговязый окинул Марго недоверчивым взглядом.

– Могу я видеть М. Ленского? – поинтересовался он вежливо.

В свою очередь, Марго окинула его еще более недоверчивым взглядом.

– Я и есть М., – ответила она. – Только не Ленский, а Ленская.

Рыжий молодой человек подозрительно прищурился:

– Вы уверены?

Марго всегда знала, что среди мужчин много болванов, гораздо больше, чем среди женщин, но таких, как этот рыжий, она еще не встречала.

– Что за странный вопрос? – нахмурилась Марго. – Уверена ли я в том, что я – это я?

Рыжий помолчал, тщательно обдумывая ответ. Прямо весь покраснел от напряжения. Вдоволь насмотревшись на его вытянутую физиономию, Марго холодно поинтересовалась:

– А вам, собственно, что нужно?

Рыжий облизнул губы и спросил, чуть повысив голос и глядя на Марго пристальным взглядом:

– Вы ждете посылку?

– Посылку?

Марго нахмурилась. «Так-так. Выходит, мой бывший поленился прийти сам и прислал мне вещи с этим кретином? Форменное свинство с его стороны. Впрочем, иного и ожидать не приходится».

– Если вы принесли посылку и она предназначена М. Ленской, то я ее возьму, – сказала Марго и протянула руку.

Рыжий еще чуток поколебался, затем, хмуря брови, протянул Марго нечто прямоугольное (сантиметров тридцать на сорок), перемотанное оберточной бумагой и перевязанное грубой веревкой. Форма посылки показалась Марго подозрительной, но, конечно же, она ее взяла.

– Расписаться надо?

Рыжий курьер качнул головой:

– Нет.

– В таком случае – всего хорошего. И передайте Дронову, что он засранец!

– Но...

Марго захлопнула дверь.

Дронов – фамилия ее бывшего. Когда они заполняли бланки ЗАГСа, счастливый жених настаивал на том, чтобы будущая жена взяла его фамилию. Но она посчитала, что Марго Дронова звучит слишком ужасно, и предпочла оставить девичью фамилию. Дронов был настолько глуп, что закатил ей по этому поводу истерику, но не учел одного – по части истерик Маргарите Ленской равных не было.

Как и следовало ожидать, скандал закончился слезами (со стороны Марго), вымаливанием прощения (со стороны Дронова) и крепкими объятиями (взаимными). Так Марго осталась Ленской, о чем до сих пор ни разу не пожалела.

Закрыв дверь за рыжим курьером, Марго вернулась в комнату и распаковала посылку. Под толстым слоем оберточной бумаги она обнаружила картину.

– Что еще за фокусы, – угрюмо пробурчала Марго. – Прислал мне свою мазню вместо моих колготок и блузок. Ну, Дронов, я тебе покажу!

Швырнув картину на диван, Марго решительно направилась к телефону, столь же решительно сняла трубку и набрала номер бывшего.

– Здравствуйте! – поприветствовал ее из трубки бодрый голос художника Дронова. – С вами говорит автоответчик. Если вам есть что сказать – скажите это после гудка!

Марго глянула на часы – двенадцать двадцать. «День в разгаре, а этот мерзавец, должно быть, все еще спит».

Художника Алексея Дронова всегда нервировали две вещи: когда Марго называла его пупсиком и когда она намекала, что он слишком долго спит. Поэтому Марго сказала:

– Здравствуй, пупсик! Неужели ты все еще спишь? Ну-ка немедленно возьми трубку! Возьми трубку, я знаю, что ты там!

Трубку, однако, никто не взял.

– Черт, ну ладно. – Звочки Марго свирепо сузились. – Ты дождался, Дронов! Я сама принесу тебе твою мазню. Принесу и брошу тебе в физиономию, понял?

Марго швырнула трубку на рычаг, подскочила к платяному шкафу и принялась переодеваться, грозно расшвыривая вещи. Белая футболка, лифчик, юбка, трусики полетели на спинку стула.

– Он меня плохо знает, – бурчала себе под нос Марго. – Я ему покажу, как присылать мне голых баб! Намекает он, а!.. Но что же мне надеть?

Она повернулась к зеркалу и посмотрела на свое обнаженное отражение. Фигурка была хороша. Небольшая упругая грудь, плоский живот и великолепная талия – тоненькая и гибкая, как у девочки.

– Вот возьму и пойду голой! – сердито проворчала Марго. Внезапно ее симпатичное личико просветлело. – А что, это мысль. Оденусь поэротичней, чтобы этот козел понял, что потерял! К черту лифчик! Даешь обтягивающую блузку!

Через пять минут Марго была одета, обута и готова к бою. Она окинула свое отражение оценивающим взглядом. Соски чуть-чуть просвечивали сквозь тонкую белую ткань блузки, однако Марго и не думала их скрывать.

– То, что надо! – резюмировала она и, прищулив зеленые кошачьи глаза, погрозила своему отражению кулаком. – Я еще заставлю этого гада кусать локти!

3

Марго вышла из подъезда, держа завернутую в бумагу картину под мышкой. Она посмотрела на солнце, на зелень, на возившуюся в песочнице детвору, вдохнула полной грудью свежий уличный воздух и блаженно улыбнулась.

До дома, где проживал ее бывший супруг – художник-реалист Алексей Дронов, – был всего один квартал. Марго с удовольствием прошагала этот квартал пешком.

Однако, вопреки ожиданиям, бывшего мужа и впрямь не оказалось дома.

– Вот гад, – пробормотала Марго с досадой. – Даже и здесь умудрился напакостить.

Она несколько секунд стояла перед дверью, размышляя, что делать дальше, но телефонный звонок прервал ее размышления. Нажав на кнопку, Марго услышала голос своего бывшего.

– Марго...

– Дронов, если ты думаешь, что, разбежавшись со мной, можешь мне открыто хамить, ты глубоко ошибаешься! – свирепо проговорила Марго. – В злобе я страшна и способна достать тебя хоть со дна Мариинской впадины!

– Марианской.

– Что?

– Впадина называется Марианской, – поправил Дронов.

– Я так и сказала.

– Нет, – возразил он. – Ты сказала Мариинской.

– Ты просто глухой!

– А ты просто врунья!

– Вот как?

– Да – так!

– В таком случае...

Марго замерла. Что это? Они снова беседуют, как супруги, хотя развелись четыре дня назад. Ну уж нет, больше никакой душевной близости. Только официальный тон.

– Душа моя, – первым прервал молчание Дронов, – я не понимаю, чего ты злишься?

– Во-первых, никакая я тебе не душа, – отчеканила Марго, хмуря черные брови. – А во-вторых...

– А во-вторых, я через двадцать минут буду дома, и мы сможем подробно обо всем поговорить.

Марго едва не задохнулась от возмущения:

– Ты затыкаешь мне рот?

Дронов хмыкнул:

– Угадала. И ты мне ничего за это не сделаешь. Мы теперь в разводе, и я для тебя неуживим!

– Но...

– Помолчи!

– Что?

– По-мол-чи. Черт, как же приятно произносить это слово. Жаль, что я раньше так редко его использовал.

Марго закрипела зубами. Еще пару месяцев назад она знала, как отомстить мужу за хамство. Но что делать сейчас, когда он стал бывшим? В доступе к телу ему не откажешь, дверь спальни перед его носом не захлопнешь, молчанием и упреками не проймешь.

– Ладно, – смирилась Марго.

– Что? – не поверил своим ушам Дронов.

- Я говорю: ладно. Я тебя дождусь.
- Ленская, если бы я знал, что ты можешь быть такой покладистой, я бы никогда с тобой не развелся.
- А если бы я знала, что ты такой козел, я бы развелась с тобой на два года раньше! Марго отключила связь и сунула телефон в сумочку.

4

Она спустилась вниз и огляделась. Метрах в ста от дома располагалось небольшое летнее кафе, в котором (в былые времена, конечно) Марго любила посидеть с подругами и выпить бокал-другой martini.

«То, что доктор прописал», – с удовлетворением подумала Марго и зашагала к кафе.

Погода была – просто загляденье. Марго села за крайний столик, оказавшийся прекрасным наблюдательным постом, и принялась потягивать холодную диетическую колу, поглядывая на подъезд мужа и совмещая таким образом приятное с полезным.

Так прошло минут десять. На исходе десятой минуты мужской голос произнес у нее над самым ухом:

– Извините, у вас не занято?

Марго подняла глаза и окинула владельца приятного тембра любопытным взглядом. Мужская особь. На вид лет тридцать. Рост около метра восьмидесяти. Вес... килограммов семьдесят пять, не больше. Голубые глаза. Белая кожа. Прямой нос. На подбородке – ямочка. На голове – красная бейсболка.

Марго улыбнулась:

– Вообще-то нет.

– Спасибо вам, милая девушка! Вы воистину меня спасли!

Мужчина рухнул на пластиковый стул и поставил на стол пластиковый стаканчик с кофе. Затем снял кепку и помахал ею у лица.

– Целый день на ногах! – сообщил незнакомец и улыбнулся. – Некогда даже кофе выпить.

«Без этой информации я вполне могла бы обойтись», – подумала Марго, а вслух сказала:

– Кофе не выпивают, а пьют.

– Там, откуда я родом, выпивают все, что греет, – с улыбкой возразил мужчина. – А пьют только холодную воду.

Марго скользнула взглядом по лицу незнакомца.

– Вы что, не местный?

Мужчина улыбнулся и покачал головой:

– Нет. Родом я из Мурманска, но уже десять лет живу в Питере. К вам приехал на пару дней – в командировку.

Марго отпила колы и чуть прищурила свои изумрудно-зеленые глаза.

– Вы что, аудитор?

– Почему аудитор? – удивился мужчина. – Нет, я не аудитор. Просто приехал на выставку. Кстати, милая девушка, вы не знаете, здесь где-нибудь поблизости есть магазин сувениров?

Марго, продолжая внимательно разглядывать незнакомца, покрутила головой:

– Нет.

Незнакомец вздохнул:

– Жаль. Понимаете, у меня через два часа самолет, а я еще должен купить подарок невесте. У нее сегодня день рождения.

Марго вздохнула: гадская жизнь. Стоит встретить симпатичного мужчину, как тут же выяснится, что он либо женат, либо помолвлен, либо в кошельке у него мышь на аркане. И почему мир так гнусно устроен?

– И сколько ей стукнуло? – равнодушно спросила Марго.

– Двадцать девять.

– Сочувствую. – Марго хмыкнула и отхлебнула колу.

– Моя невеста – удивительная девушка! – сообщил незнакомец. – Но порой она становится немного нервной. Понимаете, иногда... абсолютно ни с того ни с сего... ей начинает казаться, что я уделяю ей мало внимания. А еще она страшно ревнива.

Болтовня незнакомца стала утомлять Марго. Какого черта она должна выслушивать бредни про чужую невесту? Ей что, своих проблем мало? К тому же незнакомец заслонял ей обзор – из-за его белобрысой головы Марго не видела дверь подъезда.

– Вы не могли бы немного подвинуться? – попросила Марго.

– Зачем? – насторожился незнакомец.

– Вы портите мне вид.

Мужчина обернулся.

– Вам нравится смотреть на строящиеся дома? – с улыбкой осведомился он.

– Скорее, на подъемные краны, – иронично ответила Марго. – Приятно знать, что в мире хоть что-то поднимается.

Белобрысый чуть прищурил глаза и внимательно на нее посмотрел.

– А-га, – сказал он.

– Что «ага»?

– У вас проблемы в личной жизни?

Марго усмехнулась.

– А разве бывает другая?

– Ну... – Незнакомец хотел что-то сказать, но вдруг осекся и встрепенулся: – Черт! Я тут с вами болтаю, а у меня еще подарок не куплен!

Марго посмотрела на его встревоженное лицо и спросила без всякого интереса:

– А что вы хотите купить?

– Да неважно! Главное – внимание! Сгодились бы любая безделушка!

Марго поднесла к губам стаканчик с колой и прищурилась. Ей в голову пришла неплохая мысль. Отказать Дронову в «доступе к телу» она не может. Измотать его молчанием – тоже. Но она может отомстить другим способом. И при этом заработать денег на новую блузку или свитерок. Мелочь, конечно, но как приятно!

– Как вас зовут? – поинтересовалась она у незнакомца.

– Гоша, – ответил тот.

«Гоша, – насмешливо повторила про себя Марго. – Хороши бы мы были вместе. «Гоша и Маргоша приглашают вас на вечеринку!» Она подняла с пола сверток с картиной и поставила его на стул.

– Вот, – сказала она. – Берите!

Белобрысый Гоша посмотрел на сверток и удивленно поднял брови:

– Что это?

– Подарок для вашей невесты.

Гоша смотрел на Марго недоверчиво.

– И что, можно развернуть?

– Ну, если вы не обладаете рентгеновским зрением и не способны пронзить упаковку взглядом...

Белобрысый Гоша взял сверток и быстро его развернул.

– Картина! – выдохнул он.

Марго усмехнулась:

– Конечно. А вы что, ожидали увидеть электромясорубку?

Гоша с полминуты восхищенно пялился, затем перевел взгляд на Марго и восторженно проговорил:

– Здорово! А кто автор?

– Мой муж, – неприязненно ответила Марго и тут же поправилась: – Бывший. Он художник.

– У него определенно есть талант, – заметил Гоша.

– Жаль, что он этого не слышит. Он бы с ума сошел от счастья.

Гоша завернул картину и поставил ее на стул.

– То, что надо, – сказал он. – Поверьте моему вкусу. Сколько вы просите?

– А сколько дадите? – прищурилась Марго.

Незнакомец прикинул что-то и сказал:

– У меня при себе только сто долларов. Но она стоит намного дороже.

– Ничего, мне хватит. Можно даже рублями.

Мужчина достал бумажник, отсчитал две с половиной тысячи рублей и протянул их Марго. Она взяла деньги недрогнувшей рукой и спрятала их в кармашек блузки. Затем обворожительно улыбнулась Гоше и сказала:

– Носите на здоровье! Рекомендую вам повесить ее на кухне, прямо над газовой плитой. Если она немного прокоптится, это пойдет ей на пользу.

– Не знаю, как вас и благодарить, – со смущенной улыбкой проговорил Гоша. – Думаю, моя невеста будет рада. – Он допил кофе, затем посмотрел на часы и сказал: – О! Кажется, мне пора отчаливать! Хотите, оставлю вам свою визитную карточку?

– Зачем?

– Ну... – Он пожал плечами. – Вдруг вы захотите, чтобы я вернул вам картину или накинул еще сотню баксов?

– Не захочу, – заверила его Марго. – Картина мне не нравится, а мелочной я никогда не была.

– Ну, тогда – до свидания?

– Чао!

Гоша поднялся со стула, церемонно поклонился, сунул картину под мышку и зашагал к стоянке такси.

«Забавный парень, – думала о нем Марго, закуривая сигарету. – Немного увалень, но зато добрый и честный. Можно сказать, что его невесте повезло. Хотя... в свое время я тоже думала, что мне повезло с Дроновым. А он оказался настоящей свиньей». Марго стряхнула пепел и взглянула на наручные часики.

«Где же пропадает этот мазила?»

– А вот и я! – услышала она хрипловатый голос бывшего.

Дронов плюхнулся на пластиковый стул и вытер ладонью потный лоб. Затем весело посмотрел на Марго и высокопарно продекламировал:

– «Я скакал к вам три дня, загоняя коней...»

– И все равно умудрился опоздать, – оборвала его излияния Марго.

Дронов задорно посмотрел на нее в прищур. Затем зевнул и насмешливо поинтересовался:

– Ну? И зачем я тебе понадобился?

– Где мои вещи? – прямо спросила Марго.

– Какие вещи?

– Те, которые ты должен был мне прислать. Блузки, кофточки...

– И пара трусиков, которые вот уже четыре дня скрашивают мою жизнь?

Марго грозно сдвинула брови:

– Не веди себя как придурок.

– Хорошо, извини. – Дронов откинул со лба мягкую прядку волос, улыбнулся и развел руками: – Душа моя, у меня просто не было времени все собрать.

– Но ты нашел время прислать мне свою картину!

Дронов взял ее бокал и отхлебнул колу.

– Какую картину? – поинтересовался он небрежно.

Марго усмехнулась:

– Ты прав, картиной эту мазню называть глупо.

Дронов снова отхлебнул из бокала Марго и посмотрел на нее чистым взглядом.

– Душа моя, ты говоришь загадками.

Марго хмыкнула и небрежно махнула сигаретой:

– Ладно, не напрягайся. Я уже успела продать твою мазню.

– Честное слово, Ритуся, я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Еще раз назовешь меня «Ритусей», и я...

– Что? Разведешься со мной еще раз? – Дронов хрипло засмеялся. – Увы, Ритуся, дважды в нашей стране не разводят. Так о какой картине ты говоришь, я так и не понял?

– О той, которую ты прислал мне вместо моих вещей.

Дронов на мгновение задумался, затем черты его румяного лица снова разгладились, и он весело проговорил:

– Душа моя, я не понимаю, о чем ты говоришь. Я тебе ничего не посылал.

– Вот как? – нахмурилась Марго. – Выходит, я все придумала?

– Ну... – Он пожал плечами. – У тебя всегда было богатое воображение.

– Еще слово в подобном тоне, и я запущу тебе в голову стаканом, – пообещала Марго.

– Запускай, – разрешил Дронов. – Он все равно пластиковый. А что касается твоих слов, то уверяю тебя, Маргоша, я ничего тебе не посылал.

– Врешь!

Дронов пожал плечами:

– Подумай сама: зачем мне посылать тебе картину, если ты ни черта не понимаешь в живописи и не сможешь отличить Рафаэля от ухмыляющейся рожицы на футболке?

Марго несколько секунд вглядывалась в лицо Дронова, надеясь, что тот шутит и чем-нибудь выдаст себя, как это обычно бывало, но Дронов и бровью не повел.

– Странно, – проговорила Марго. – Кто же тогда мне ее прислал?

– Ленская, у тебя поехала крыша от горя. Если хочешь, я зайду к тебе сегодня вечером – развеять грусть-тоску.

– Не в этой жизни.

Дронов пожал плечами:

– Как хочешь. Я не в обиде. На свете много других женщин. – Он потянулся, хрустнув суставами, и блаженно произнес: – Черт, как же приятно быть холостяком. Взгляни на ту девушку! Правда, у нее красивая попа?

– Дронов!

– А грудь! Ты видела ее грудь? Я был бы не прочь...

– Дронов, всему есть предел.

Улыбка на его лице стала виноватой, но Марго видела, что он все еще ерничает. Состроив брови «домиком», Дронов примирительно проговорил:

– Прости. Я же не виноват, что тебе не везет с мужчинами.

– Кому не везет? Мне не везет?

– Ну, не мне же. Годы бегут, и ты уже не юная девочка. Через пять лет тебе стукнет тридцатник, а там и до полтинника рукой подать. Душа моя, женский век короток, и нужно спешить. Что касается меня... – Тут он снова сладко потянулся. – Ах, черт, как же все-таки приятно быть холостяком! Слушай, ты прости, но мне нужно идти. С тех пор как мы развелись, мои дела стремительно пошли в гору, и теперь у меня полно работы.

– Тебя пригласили раскрашивать школьный спортзал? – едко поинтересовалась Марго.

– Мелковато мыслишь, Ленская. Бери выше!

- Неужели столовую? Фрукты и овощи всегда тебе удавались.
- Ха-ха, – обиженно проговорил Дронов. – Если хочешь знать, мне заказал свой парадный портрет один крупный политик.
- А его фамилия случайно не Путин?
- Дронов вздохнул:
- Злая ты. Ладно, пойду. Не сказать, чтобы я был рад нашей встрече, но... Если надумаешь снова выйти замуж – звони.
- Зачем?
- Попробую отговорить твоего жениха от самого опрометчивого поступка в жизни.

5

Марго заплатила за колу и отошла от стойки. Куда теперь направиться, она еще не решила.

Дронов несколько не страдал. Он явно наслаждался своим новым положением, и Марго это расстраивало. Она уже давно не чувствовала к нему не только любви, но даже привязанности. Но ее самолюбие было уязвлено: этот тип отказался от нее с такой легкостью, словно она была старой, ни на что не годной вещью. А ведь когда-то Дронов клялся ей в любви до гроба, готов был отдать жизнь за один ее благосклонный взгляд. Куда все подевалось?

Продолжая продвигаться к выходу и лавировать между тесно составленными столиками, Марго остановилась и задумалась. А может, он ее никогда и не любил? Может, она была интересна ему лишь своей недоступностью, а как только крепость пала, Дронов стал стремительно терять к ней интерес?

Марго вздохнула.

– Девушка, – проговорил кто-то у нее над самым ухом, – не хочется мешать ходу ваших мыслей, но вы стоите у меня на ноге.

Марго опустила взгляд и отдернула ногу с черного лакированного ботинка. Затем взглянула на говорившего. Темная челка, худые щеки, насмешливые глаза.

– Извините, – буркнула Марго.

– Да ничего, – усмехнулся незнакомец. – Вы, наверное, работаете в балете?

Марго хмыкнула:

– Ага, уборщицей. Я ведь, кажется, извинилась.

Мужчина кивнул:

– Конечно. Мне это очень помогло. Мы вам так признательны.

– Кто это – мы?

– Я и мой ботинок. Посмотрите, какой у него счастливый вид.

Марго грозно нахмурила брови.

– Вам заплатить за причиненный ущерб? – с вызовом спросила она.

Незнакомец окинул ее с ног до головы серыми глазами, задержал взгляд на обтянутой тонкой блузкой груди, усмехнулся и сказал:

– Предпочитаю принцип «зуб за зуб».

– Вы хотите, чтобы я подставила вам ногу? – удивленно спросила Марго.

Незнакомец кивнул:

– Да.

– Что ж, пожалуйста! – Марго выставила ногу, обутую в легкую туфельку, отвернулась и заранее сморщилась в ожидании неминуемой боли. Однако незнакомец медлил.

– Ну! – сердито сказала Марго. – Чего же вы ждете? Наступайте скорее!

– А кто вам сказал, что я собираюсь на нее наступить?

Марго повернулась к незнакомцу и удивленно на него взглянула:

– А разве нет?

Он покачал головой:

– Нет.

– Зачем же тогда вам понадобилась моя нога?

– Как вам сказать... Дело в том, что у вас очень красивые лодыжки. Я хотел посмотреть, так ли хороши ваши бедра.

– Хам! – сказала Марго и одернула юбку. – Обещаю вам, что вы никогда больше не увидите мои бедра!

- Уверяю вас, что это не самая большая потеря в моей жизни, – заверил ее незнакомец.
- Дважды хам! – отчеканила Марго и двинулась к выходу из кафе.

* * *

Уже ступив на асфальт, Марго слышала за спиной быстрые шаги. Она прибавила шаг. Незнакомец не отставал. Марго свернула в скверик, ведущий к дороге, и быстро двинулась по аллее.

Черные ботинки незнакомца звучно топали сзади.

Марго остановилась и резко обернулась. И надо ж такому случиться, что как раз в это мгновение преследователь не просто ускорил шаг, а перешел на бег и, не успев затормозить, налетел на Марго.

Удар был настолько сильным, что мужчина снес ее, как пушинку. Не сказать, чтобы полет был плавным, но приземление оказалось вполне благополучным. Через секунду колючая трава газона ласково щекотала Маргарите шею, а над ее головой медленно раскачивался темно-зеленый куст сирени.

– Эй! – окликнула Марго брюнета-неудачника. – Вы там как? Живы?

Незнакомец поднял голову и выплюнул прилипшую к губе травинку.

– Благодарю вас, я мягко приземлился, – вежливо сообщил он.

– Тогда, может быть, вы уберете голову с моей груди?

Незнакомец приподнял голову, словно собирался встать, но тут же трагически закатил глаза и снова ее опустил.

– Мне плохо, – сообщил он. – Я должен прийти в себя.

– Прийти в себя можно и на асфальте, – сказала Марго и грубо спихнула с себя наглеца.

– Что вы делаете? – запротестовал он. – Вы знаете, что травмированного человека нельзя шевелить? А вдруг у меня смещена кость?

Марго поднялась на ноги и отряхнула юбку. Незнакомец сел и потер ушибленный локоть.

– Вы, наверное, не замужем? – предположил он.

– Что? – сощурилась Марго. – С чего вы взяли? Между прочим, я была замужем целых два года и развелась четыре дня назад!

– Странно, – сказал незнакомец, – как это ваш муж дожил до развода. При таком буйном темпераменте вы должны были стать вдовой в первую же брачную ночь.

– Вы сами виноваты, – огрызнулась Марго. – Не нужно было бежать сломя голову.

– А зачем вы остановились?

– А зачем вы меня преследовали?

– Я? – Брюнет вскинул брови. – С чего вы взяли?

Марго состроила мину.

– Не прикидывайтесь дурачком! Кроме меня, тут никого нет. За кем еще бежать, как не за мной?

Незнакомец посмотрел на Марго сочувственно.

– Оглянитесь, пожалуйста, – попросил он.

Марго оглянулась:

– Ну?

– Видите стоянку такси? Десять секунд назад оттуда уехала последняя машина. По вашей милости мне придется ждать следующей. И неизвестно, сколько времени это займет.

Марго покраснела.

– Простите, – пролепетала она. – Я думала... – Она поджала губы, повернулась и быстро зашагала прочь.

– Эй! – окликнул ее брюнет. – Эй, подождите!

Марго ускорила шаг. От стыда у нее даже слезились глаза. Она свернула в первый попавшийся двор.

– Да подождите же, черт возьми! – крикнул ей вслед брюнет.

По счастью, дверь крайнего подъезда была открыта. Марго забежала в подъезд и встала за дверь. Послышались шаги. Незнакомец быстро вошел во двор, остановился и растерянно огляделся по сторонам.

– Исчезла, – констатировал он грустно. – И почему все красивые женщины такие сумасшедшие?

Он постоял еще немного, потом тяжело вздохнул, повернулся и зашагал прочь. Марго выждала еще пару минут и вышла из подъезда.

– И вовсе я не сумасшедшая, – сердито проговорила она, но щеки ее слегка порозовели от удовольствия.

Идти домой по-прежнему не хотелось. Подумав минуту, Марго решила навеститься к подруге Верке.

6

– Молодец, что пришла, – с улыбкой сказала Верка. – Проходи, садись!

Марго прошла в комнату и села в кресло.

– Слушай, у меня там молоко убегает, – засуетилась Верка. – Посиди немного, я сейчас вернусь.

Вот так всегда: когда к Верке приходит лучшая подруга, у нее обязательно что-нибудь подгорает или убегает. «Наверное, у меня отрицательная энергетика, – со вздохом подумала Марго. – Поэтому я так редко приближаюсь к плите».

В комнату вошел четырехлетний сын Верки – Игорек. Встал в дверях, хмуро посмотрел на Марго и сказал:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – отозвалась Марго, доставая из сумочки сигареты.

– Мама не разрешает курить в квартире, – сообщил Игорек. – Разве вы не знаете?

– Ах да, – вспомнила Марго и с сожалением убрала сигареты обратно в сумочку.

Игорек скрестил на груди руки, задумчиво посмотрел на Марго и вдруг спросил:

– Теть Марго, а почему вы одна?

– А с кем я должна быть? – вскинула брови Марго.

Игорек нахмурил лобик, подумал и сказал:

– С хахалем.

– С кем, с кем?

– С хахалем, – еще более серьезным тоном повторил Игорек. – Мама говорила тете Ире, что вам нужно завести себе хахалю. Тетя Марго, а хахаль – это кто?

– Хахаль? – Марго подавила усмешку. – Как тебе объяснить... Ну, это такой маленький зверек.

– Очень маленький? – уточнил Игорек.

– Бывает, что очень. А бывает, наоборот, большой. Правда, большие встречаются очень-очень редко. Почти не встречаются.

Игорек обдумал ее слова и кивнул. Потом спросил:

– А раньше у вас был хахаль?

– Когда-то был, – ответила Марго.

– Он был большой?

– Средних размеров.

– Как хомячок?

Марго усмехнулась:

– Примерно.

– А куда он подевался?

– Ну... Я от него избавилась.

– Почему?

– Он ходил налево.

– Налево? – Игорек задумался. – Это значит, мимо лотка? Как наш кот Маркиз?

– Что-то вроде этого, – согласилась Марго.

В комнату вошла Верка. Поставила на столик поднос с двумя чашечками кофе и вазочкой, доверху наполненной маленькими круассанами. Верка обожала круассаны. Они напоминали ей о Париже, в котором она побывала два года назад, отправившись туда на съезд международного движения эмансипированных домохозяек. С тех пор она бредила Парижем. Если бы на картошке, которую продают в магазине эконом-класса, было написано «сделано в Париже», она бы обожала и картошку.

– Мама, а знаешь, почему тетя Марго прогнала своего хахаля? – обратился к матери Игорек.

Верка чуть не подавилась круассаном. Быстро глянула на Марго и спросила:

– Почему?

– Он писал мимо лотка! – радостно сообщил Игорек.

– Ну... – Верка вновь покосилась на Марго. – С хахалями это иногда случается.

– Мам, – продолжил развивать тему любознательный Игорек, – а у тебя тоже был хахаль?

Верка криво ухмыльнулась:

– Был, сыночек, был. Только очень давно.

– Он тоже писал мимо лотка?

– Поначалу да. Но потом я отбила у него эту охоту.

– Мам, а твой хахаль...

– Ну, хватит! – оборвала сына Верка. – Иди к себе в комнату и займись чем-нибудь!

Игорек понурил голову и поплелся в свою комнату.

– Ты как? – спросила Верка у Марго. – Держишься?

– Угу, – кивнула Марго с набитым ртом.

– Молодец. Главное – не раскисать.

Марго проглотила кусочек круассана, запила черным сладким кофе и сказала:

– Я с ним сегодня встречалась.

Верка вытаращила глаза:

– Со своим бывшим?

Марго снова кивнула:

– Угу.

– Зачем?

– Дурацкая история. Мне принесли посылку, и я думала, что она от Дронова. Он должен был прислать мне вещи, которые я не успела забрать.

– И что?

– Да ничего. Я взяла посылку, раскрыла ее, а там оказалась картина.

Верка возмущенно вытаращила глаза.

– Это мерзавец раздарил твои вещи своим любовницам, а взамен прислал тебе свою мазню?

– Я сначала тоже так подумала. – Марго взяла второй круассан и обмакнула его в кофе. – Взяла картину и пошла к Дронову, чтобы бросить ее ему в лицо.

– А он?

– А он сказал, что ничего мне не посылал.

Верка замерла с открытым ртом.

– Ничего не понимаю, – проговорила она.

Марго сделала еще глоток кофе и пожала плечами:

– Понятия не имею.

– Гм... – Верка задумчиво почесала пальцем переносицу. – Темная история, – резюмировала она. – И что ты теперь будешь делать с этой картиной?

– Ничего. Я ее уже продала.

– Как продала? – совершенно запуталась Верка. – Зачем?

– Ну, я же не знала, что ее нарисовал не Дронов.

Верка наморщила лоб, пытаясь постичь логику подруги. Видимо, ей это удалось, потому что она спросила:

– Сколько хоть выручила?

– За картину? – Марго махнула рукой. – А, пустяки. Сто баксов.

Верка хмыкнула.

– Хватит сходить в ресторан.

– Угу.

Марго проторчала у Верки еще два часа. За это время подруги успели обсудить кучу важных вещей: повышение цен на мясо, засилье контрафактной продукции в парфюмерных магазинах Москвы, тупость политиков, которые не позволяют женщинам занять в правительстве ключевые посты, и, конечно же, подлость некоторых особ мужского пола.

Прощаясь в прихожей, Верка вдруг сказала:

– Слушай, я поняла все, кроме двух вещей.

– Каких? – поинтересовалась Марго, набрасывая на плечо сумочку.

– Кто же все-таки прислал тебе картину? И зачем?

Марго вздохнула.

– Спроси чего полегче. Думаю, со временем это станет известно само собой. Ну, все, бывай!

Она чмокнула Верку в щеку и вышла из квартиры.

7

Через полчаса Марго вошла в свой подъезд. Лифт, как всегда, не работал. Пришлось одолеваять пешком несколько лестничных пролетов. С трудом вскарабкавшись на четвертый этаж, она остановилась перед дверью и уже достала из кармана ключ, как вдруг лоб ее покрылся испариной, а по спине пробежал мерзкий холодок. Квартира оказалась не заперта!

Сунув ключ в карман, Марго пулей слетела с лестницы и, с тою же сверхзвуковой скоростью преодолев оставшиеся три этажа, вылетела из подъезда, как пробка из бутылки шампанского.

В мобильнике сели аккумуляторы, но на углу дома красовался стеклянный колпак таксофона, поэтому вызвать милицию было делом одной минуты.

Еще через двадцать пять минут белая старенькая «Хонда» со скрипом подкатила к подъезду. Из нее выбрался крепкий мужчина с хмурым лицом. Он посмотрел на Марго исподлобья и спросил:

– Вы Маргарита Ленская?

– Угу, – сказала Марго. – А вы милиция?

– А у вас есть сомнения? – поинтересовался толстяк.

Марго pokrutila головой:

– Нет. Судя по черепашьей скорости, с которой вы сюда добрались, вы и впрямь милиция.

– Капитан Медведев, – представился крепыш. – Пойдемте посмотрим, что там у вас.

– Пойдемте! – согласилась Марго. – Мне не терпится посмотреть, что у меня утащили!

Крепыш повернулся и первым двинулся к подъезду.

В квартиру он также вошел первым. Через пару минут вернулся и впустил Марго. Марго входила в собственный дом со смешанным чувством страха и любопытства. Зрелище было удручающим. Дверцы шкафов открыты нараспашку, содержимое вытряхнуто на пол, все раскидано и рассыпано.

– Тщательно осмотритесь и скажите, что пропало, – сказал капитан Медведев.

Марго с тяжелым сердцем принялась осматривать ящики, ящички, шкафы и полки. Медведев ходил за ней, сложив руки за спиной. Минут через десять Марго повернулась к нему и, нахмурившись, сообщила:

– Все на месте.

Медведев кивнул, глянул на Марго исподлобья и усмехнулся.

– Вы расстроились?

– Глупости. С чего мне расстраиваться. Я просто сбита с толку.

Милиционер нагнулся и поднял с пола лифчик. Задумчиво на него посмотрел и сказал:

– Заявление писать будете?

– Нет, – сказала Марго. – Эти олухи даже золото не взяли.

– А у вас есть золото? – насторожился Медведев.

– Угу. Две цепочки, три колечка и пара сережек.

Милиционер кивнул. Марго едко усмехнулась:

– Вы киваете головой так, словно что-то понимаете.

Суровый страж закона выпятил нижнюю губу и пожал плечами:

– А что ж тут непонятного? В вашу квартиру забрались воры.

– Bravo! – сказал Марго. – С такой проницательностью вам только в метеослужбе работать. Это все, что вы поняли?

– Воры ничего не взяли, – спокойно продолжил милиционер, не обращая внимания на ее колкость. – Стало быть, одно из двух: либо вы их спугнули, либо кто-то дал им неверную наводку.

– Что дал?

– Наводку, – повторил милиционер и посмотрел на лифчик. – Шелковый, – задумчиво проговорил он. – Единичка.

– Двойка, – машинально поправила Марго. – То есть вы хотите сказать, что эти олухи попросту перепутали квартиру?

Он кивнул:

– Да. Как говорится – ошибочка вышла.

– Ничего себе – ошибочка! – возмутилась Марго. – Они даже матрас на кровати вспорили! Как, по-вашему, для чего они это сделали?

Капитан подумал, затем пожал широкими плечами и сказал:

– Не знаю. Возможно, он им просто не понравился.

– Глупость какая, – резко заявила Марго.

– Другого объяснения у меня нет, – невозмутимо ответил Медведев. – Если, конечно, вы не подпольный миллионер и не прячете деньги в постельном белье. Так вы будете писать заявление?

– Я уже сказала, что нет.

– В таком случае мне пора. Я заметил, что у вас на двери есть запасной замок. Он работает?

– Угу.

– Заприте за мной дверь на замок и накиньте цепочку.

Милиционер повернулся и двинулся к двери косолапой походкой старого, усталого медведя.

– Эй! – окликнула его Марго.

Он обернулся:

– Что?

Марго показала пальцем на лифчик, который милиционер все еще держал в руке. Капитан покраснел.

– Простите. – Он аккуратно повесил лифчик на спинку стула. – Это я чисто машинально.

– Не сомневаюсь, – насмешливо сказала Марго. – А вы знаете, что в машинальных поступках человека обнаруживаются его сокровенные желания? Это еще Фрейд писал.

– Вы хотите сказать, что мое сокровенное желание – ходить по городу с вашим лифчиком в руке?

Марго сочувственно улыбнулась:

– Не стоит этого стыдиться. Главное, не перепутайте лифчик с пистолетом, когда придется стрелять в преступника.

– Постараюсь, – сказал капитан. Он сунул руку в карман, вынул листок бумаги и протянул Марго: – Здесь записан мой мобильный телефон. Если что-нибудь поймете – звоните. До свидания.

И он ушел. А Марго осталась одна в выпотрошенной, как курица, и вывернутой наизнанку, как старая рукавица, квартире.

8

Сварив кофе, Марго уселась за стол с большой чашкой в руках и, попивая горьковатый напиток маленькими глотками, попыталась проанализировать свои ощущения.

С одной стороны она, конечно же, была напугана. Довольно жутко, вернувшись домой, обнаружить, что в твоей квартире кто-то побывал. А тут еще распахнутые шкафы и сваленные на полу вещи... Злоумышленник не просто взломал дверь, он рылся в ее вещах, нижнем белье, документах, записях.

Думая об этом, Марго поймала себя на том, что чувствует себя беззащитной и уязвимой. Вместе с тем ее не покидало чувство легкой брезгливости. Ведь квартира, в которой жила Марго, была для нее своего рода святилищем. Мебель здесь стояла так, как ее расставила Марго. Вещи лежали там, и только там, куда она их положила. Маленькую резную тумбочку из тисового дерева, купленную на распродаже в Тверском антикварном салоне, она притащила с собой от Дронова, потому что обожала ее и не желала с ней расставаться. Теперь эта тумбочка распахнута чужой рукой, а резная дверца грубо сорвана с петель.

Вторжение чужого человека осквернило квартиру, и теперь все здесь было Маргарите противно. Но думать нужно не об этом. Что могли искать воры? Дверной замок довольно хитрый. Даже сама Маргарита открывала его с трудом. Она была убеждена, что злоумышленникам пришлось здорово повозиться, прежде чем они попали внутрь. Значит, они действовали целенаправленно, а не просто использовали удобный случай!

Ее квартиру *выбрали*.

От осознания этого факта Марго стало не по себе, она передернула плечами и испуганно огляделась, словно опасалась, что злодей, *выбравший* ее квартиру, все еще прячется здесь.

Итак, ошибки не было. Но что здесь может быть такого, чего нет у соседей?

Марго сняла эту «двушку» три месяца назад, как только окончательно порвала с Дроновым. Квартира была меблирована. Шкафы, телевизор, холодильник, стиральная машина – полный комплект предметов, которые облегчают человеку жизнь и делают ее более комфортной.

Может быть, до того, как она сюда въехала, здесь жили какие-нибудь наркоманы? Не похоже. Все чисто, обои – как новенькие, потолки белоснежные, на окнах стеклопакеты. Да и соседи – приличные люди. Правда, Марго до сих пор с ними не познакомилась, но, судя по тому, что по вечерам тишину подъезда не нарушали крики, грохот, звон бутылок и вопли магнитофона, люди здесь жили вполне добропорядочные.

Марго вздохнула. В голову ей не приходило ничего толкового.

Милиционер, конечно, действовал абсолютно непрофессионально. Даже соседей не опросил. Но, с другой стороны, зачем ему напрягаться? Вещи не пропали, заявление Марго писать не стала. Нет заявления, нет и расследования. На месте капитана Медведева Марго поступила бы точно так же.

Допив кофе, Марго решила больше не терзаться. Что было, то было. А сейчас нужно сделать уборку и вызвать слесаря, чтобы сменил замок.

9

Утро выдалось солнечным, и на душе у Марго, несмотря на вчерашний неприятный инцидент, было светло. Она даже решила плюнуть на диету и сделать себе гренки, которые обожала с детства. Хрустящие гренки с горячим сладким кофе – что может быть лучше? Веркины круассаны «из самого Парижа» отдыхают.

Гренки Марго поглощала, глядя в окно и весело щурясь от солнца. Все-таки жизнь – великолепная штука! И никакой гад не сможет ее испортить. Даже сумасшедший вор, который влез в квартиру, чтобы расшвырять по полу ее лифчики. Или мерзавец Дронов, который упорно отказывается признаваться в том, что прислал ей свою мазню. Неужели он думал, что она повесит эту дрянь на стену и будет любоваться ею с утра до вечера и с вечера до утра? Бред!

Впрочем, картинка была симпатичная. Странно, что бездарный мазила Дронов, у которого даже яблоки выходят похожими на дыни, сумел так удачно распределить краски на холсте. Эта женщина на диване... Ее кожа не просто золотилась, она словно светилась изнутри. Модель лежала на диване вполоборота. Полупрофиль у нее был точеный, немного резкий и все же необыкновенно женственный. Она была похожа на царицу, разоблачившуюся и улегшуюся на диван в ожидании любовника. Какого-нибудь юного офицера из свиты.

Маргарите стало даже немного жаль, что в запальчивости она избавилась от картины. Впрочем, как человек, живущий одним днем, она не привыкла жалеть о том, что сделала.

Мало ли еще картинок будет в ее жизни. Но странно, что Дронов так вопиюще и даже вызывающе спокоен. Эта работа – его безусловная удача, а Марго знала, насколько сильно он дорожит картинами, которые «удались»!

Дожевав последнюю корочку, Марго решила окончательно прояснить ситуацию, сгребла со стола мобильник и набрала номер своего бывшего.

На этот раз он взял трубку сразу:

– Слушаю тебя, Ритуся!

– Все еще спишь, пупсик? Так можно все на свете проспять!

– Иногда долго спать – чертовски полезное занятие. Однажды вечером я крепко уснул, а когда проснулся в полдень следующего дня, тебя уже не было. Этот полдень стал для меня лучшим в жизни.

– Свинья.

– Истеричка.

Обмен любезностями был закончен, и Марго перешла прямо к делу:

– Вчера я забыла тебе сказать, что продала твою картину.

– Какую картину? – насторожился Дронов.

– Ту самую. С женщиной, лежащей на диване. Локальные и очень насыщенные цвета – синий, красный, бежево-золотистый. Расслабленная поза. Изящный поворот головы. Красочный слой очень плотный.

– Локальные цвета, красочный слой... Ты где всего этого понахваталась, Ленская?

– С кем поведешься, от того и наберешься, – сухо ответила Марго.

Дронов хихикнул в трубку:

– Уважаю. Но лопни моя печенка, если я понимаю, о какой картине ты говоришь.

– Дронов, кончай кривляться. Эта картина – настоящая удача. Ты не можешь этого не признать.

Возникла пауза. Прошло несколько секунд, прежде чем Дронов заговорил снова.

– Кажется, я понял, – медленно проговорил он. – Ты решила меня разыграть, да? Но тебе не кажется, что розыгрыш слегка затянулся?

Как обычно бывало в подобных ситуациях, Марго испытала непреодолимое желание высказать своему бывшему все, что она о нем думает, но она сдержалась. Вся эта канитель с картиной начала ее утомлять, и она решила расставить все точки над «е».

– Дронов, это не розыгрыш, – с ледяным спокойствием произнесла Марго. – Вчера днем какой-то рыжий парень принес мне посылку без обратного адреса. В посылке была картина. Я тебе звонила, но тебя не было дома. Я взяла картину и пошла к тебе.

– Зачем?

– Чтобы швырнуть ее тебе в лицо, неужели не понятно?

– Ах, да. – Дронов хмыкнул. – Прости, сразу не сообразил.

– Дома тебя по-прежнему не было, – продолжила Марго невозмутимо. – Я решила подождать тебя в кафе. Там ко мне за столик подсел какой-то парень...

– Не слишком ли много «парней» для одной истории? – поинтересовался насмешливо Дронов.

– Заткнись и дослушай до конца. Парень сказал, что ему позарез нужен какой-нибудь подарок для невесты, но он спешил на самолет. Тогда я всучила ему картину. Он дал мне за нее сто долларов.

– Неплохо, – одобрил Дронов. – Обычная такса для проститутки средней руки.

– Тебе лучше знать. Хотя я уверена, что ты – при твоей жадности – довольствуешься собственным кулаком и бумажной салфеткой. Но речь не об этом. Речь о том, что вчера вечером в мою квартиру проникли воры.

– Тебя обокрали? – оживился Дронов.

– Нет. Но они перевернули все вверх дном.

– Вот как. Ты вызвала милицию?

– Конечно. Но ничего не пропало, поэтому заявления я писать не стала.

Похоже, спокойный тон Марго поразил Дронова. По крайней мере зубоскалить он перестал.

– Слушай, я понятия не имею, о чем ты говоришь, – сказал он после паузы. – Я в самом деле не посылал тебе ничего. Знаешь, если тебе понадобится моя помощь, я могу приехать с бутылкой хорошего вина, и мы...

Марго отключила связь.

Еще полчаса назад она не думала про странную посылку. Но разговор с бывшим мужем неожиданно пробудил в ней профессиональное журналистское любопытство. Кроме того, на душе вдруг стало тревожно. Черт ее дернул продать картину первому встречному. А что, если с ней связана какая-нибудь сногшибательная тайна?

Однако что сделано, то сделано. Марго дала себе слово выбросить картину из головы. У нее и без того забот полон рот. Вдохнув, Марго направилась к раковине, чтобы помыть чашку, и вдруг замерла. Ее осенила внезапная догадка. Вот что искали странные воры, которые не позарились даже на ее золотые сережки. Ту самую картину!

Ее они по понятной причине не нашли. А это значит...

– Что они придут снова, – с ужасом проговорила Марго вслух, и чашка выпала из разжавшихся пальцев.

Что же теперь делать? Нужно срочно позвонить капитану Медведеву! Он – милиционер, а значит, способен хоть как-то прояснить ситуацию.

Марго подняла чашку и поставила ее в раковину, после чего быстро прошла в гостиную. Поиски клочка бумаги, на котором был записан телефонный номер Медведева, заняли целых десять минут. В конце концов Марго обнаружила его в мусорном ведре. Через пару секунд она уже щелкала по кнопкам, набирая номер.

Гудок... Еще один...

– Слушаю вас, – буркнул знакомый голос.

– Алло. Это капитан Медведев?

– Он самый.

– С вами говорит Марго Ленская. Помните, вы вчера вечером были у меня?

– Двоечка, шелковый?

– Точно!

– У вас что-то случилось?

– Я забыла вам кое-что рассказать, – выпалила Марго. – Вернее, я не думала, что то, что произошло вчера утром, имеет какое-то отношение к тому, что произошло вчера вечером. Потому что между тем, что произошло вчера утром, и тем, что произошло вчера вечером, на первый взгляд не было абсолютно никакой связи. Но на самом деле, как я поняла сегодня утром, связь есть, поэтому я и звоню вам! Вы понимаете, о чем я говорю?

– С трудом, – признался капитан Медведев. – И что же такого экстраординарного произошло вчера утром, о чем вы не догадывались вчера вечером и о чем догадались сегодня утром?

Марго нахмурилась:

– Капитан, вы случайно не пьяны?

– Нет, – ответил капитан Медведев. – А вы?

– Я не пью с утра.

– Приятно слышать. Так что случилось сегодня утром, о чем вы не знали вчера вечером, и какое это имеет отношение к тому, что случилось вчера утром?

Марго едва не зарычала.

– Хватит меня путать, – яростно проговорила она. – Я хотела рассказать вам о том, что произошло вчера утром, так?

– Так. Если только вы уверены, что это произошло вчера утром, а не сегодня вечером.

Марго побагровела от ярости. Этот чертов капитан издевается над ней! Нужно держать себя в руках, потому что от того, насколько разумно сейчас поведет себя Марго, будет зависеть ее безопасность и даже жизнь.

– Немедленно замолчите и выслушайте меня! – грозно сказала Марго. – Это может быть очень важно!

– Вообще-то с милиционерами так не разговаривают, – заметил капитан Медведев. – Но так и быть. Рассказывайте. Я весь внимание.

– Вчера утром ко мне пришел курьер с посылкой. Спросил – Ленская я или нет. Я сказала, что Ленская, и он отдал мне посылку.

– От кого была посылка?

– От мужа. То есть – от бывшего мужа. То есть – посылка была вовсе не от него, но об этом я узнала только сегодня утром, а вчера вечером...

– Стоп-стоп-стоп. Давайте начнем с главного. Что было в посылке?

– Картина!

– Картина?

– Да.

– Гм... И что вы с ней сделали?

– Я отдала ее молодому человеку, с которым познакомилась в летнем кафе. Ну, то есть не совсем отдала. Продала за сто долларов.

– Вы продали ему чужую картину?

– Да. То есть нет. Тогда я еще не знала, что она чужая. Ведь это было утром. А вечером я... – Марго поняла, что окончательно запуталась. С этим капитаном решительно невозможно было разговаривать. Скрепя сердце и взяв себя в руки, Марго продолжила: – В общем, тут явно произошла какая-то ошибка. Я думаю, что курьер что-то перепутал и картина предназначалась не мне.

– Кому же она предназначалась? – поинтересовался капитан Медведев.

– Другой «М. Ленской». – И тут вдруг в голове у Марго шевельнулась смутная догадка. – Постойте... – пролепетала она. – Подождите... У нас в лифте какой-то кретин перепутал цифры над кнопками этажей. Вы можете проверить, кто живет в квартире над моей?

– А вы не знаете?

– Я недавно сняла квартиру в этом доме, еще не успела познакомиться с соседями.

Медведев несколько секунд помолчал (Марго так и видела, как хмурятся его брови), потом сказал:

– Ну, хорошо. У меня есть свободных двадцать минут. Обещаю вам, что проверю.

– Спасибо. А мне что делать?

– Сидите дома и никуда не выходите. И не забудьте запереть дверь.

– Хорошо. Спасибо вам!

– Не за что.

Капитан Медведев положил трубку. Марго села на диван и приготовилась ждать. Ждать, однако, пришлось недолго. Через пять минут телефон разразился трелью.

– Марго? – услышала она густой бас капитана Медведева. – У меня для вас новость. В квартире над вами живет Михаил Александрович Ленский. По всей вероятности, курьер действительно перепутал этажи.

От возбуждения Марго даже вскочила со стула.

– Значит, я была права! – возбужденно выдохнула она.

– Насчет лифта – да, – спокойно сказал Медведев. – И насчет курьера. Но имеет ли это отношение к тому, что кто-то наведлся в вашу квартиру – этого мы не знаем.

– Именно поэтому и нужно побеседовать с этим Михаилом Александровичем Ленским! – выпалила Марго. – Вы приедете?

– Зачем?

– Как зачем? А разве не ваша работа – распутывать загадки?

Марго почувствовала, что капитан Медведев усмехнулся.

– Нет, – ответил он. – Моя работа – раскрывать преступления. Там, где они есть.

– Ах, вот как! – Марго яростно дунула на прядку волос, упавшую ей на лоб. – Ну, тогда я сама поднимусь к этому Ленскому! И если он меня убьет – пусть это будет на вашей совести!

Марго хотела отключить связь, но в этот момент Медведев недовольно буркнул:

– Подождите... Я выезжаю.

– Другое дело. Жду!

10

На этот раз капитан Медведев потратил на дорогу на три минуты меньше, чем в прошлый.

– Прогрессируете, – похвалила его Марго, стоя в подъезде у двери квартиры. – Войдете ко мне или сразу подниметесь к моему таинственному тезке?

– Сразу поднимусь, – пробасил Медведев.

– Мне можно с вами?

Капитан покрутил круглой головой:

– Нет. Сидите дома.

Марго умоляюще приподняла брови.

– Это жестоко, – с упреком проговорила она. – Я умру от любопытства, пока вы там ходите.

– Лучше от любопытства, чем от пули, – отрезал капитан Медведев. – Закройте дверь. Я скоро.

Медведев проследил за тем, чтобы Марго закрыла дверь на замок, и медленно, грузно (топ-топ-топ – шлепали по лестнице медвежьи лапы) поднялся наверх.

Марго изнывала от любопытства и нетерпения. Она принялась ходить по комнате, беспорядочно сдвигая какие-то предметы. Закурила, сделала несколько затяжек и воткнула недокуренную сигарету в пепельницу. Подошла к окну и выглянула во двор. Потом снова закурила.

Ей казалось, что она ждет уже целую вечность, но, когда она глянула на часы, оказалось, что с момента ухода Медведева прошло всего четыре минуты. И тут в дверь позвонили. Марго пулей выскочила в прихожую.

Открыв дверь и увидев перед собой капитана Медведева, она с облегчением проговорила:

– Ну, слава богу! Вы с ним поговорили?

Медведев шагнул в квартиру и хмуро на нее посмотрел.

– Прежде чем открыть дверь, нужно было спросить – кто там, – отчеканил он недовольным голосом.

– Да... – промямлила Марго. – Действительно... Но я слишком сильно волновалась, чтобы соблюдать условности.

– Эти условности спасают людям жизнь, – назидательно сказал Медведев. – Где у вас телефон?

– В комнате.

– Я пройду.

Лицо у него было бледным и озабоченным, поэтому Марго решила пока повременить с вопросами и просто сказала:

– Проходите.

Капитан прошагал в комнату, снял трубку, набрал чей-то номер и сказал в трубку, не глядя на Марго:

– Алло, Витя?.. Это Медведев. Присылай ребят по адресу... – Он продиктовал адрес квартиры сверху. Затем повернулся к Марго спиной и, весь как-то поникнув и сгорбившись, тихо, глухо добавил: – Здесь у меня труп. Похоже на убийство. На теле явные следы пыток... Угу. И прихвати с собой фотографию картины. Жду.

И он положил трубку.

– Убийство! – выдохнула Марго, расширив глаза и прижав руки к груди.

Капитан повернулся и посмотрел на нее тяжелым взглядом. Затем нахмурил свои косматые брови, вздохнул и тихо, укоризненно покачал огромной головой. Потом снова отвернулся и направился к двери.

– Стойте! – возмущенно крикнула Марго. – Куда вы?

– Подожду бригаду в подъезде. Нужно покараулить.

– Но вы еще вернетесь?

– Разумеется. Нам с вами теперь нужно многое обсудить. И не вздумайте улизнуть.

И он снова потопал к двери. Коренастый, грузный, косолапый медведь.

Марго осталась одна.

11

Они сидели за кухонным столом и смотрели друг на друга. Медведев только что вошел и первым делом направился в ванную. Там он долго и тщательно мыл руки, что само по себе свидетельствовало о чем-то жутком. Если он так тщательно их моет, то не дай бог знать, к чему он ими прикасался.

После того, как с гигиеническими процедурами было покончено, Марго усадила капитана Медведева за стол и поставила перед ним чашку крепкого кофе. Подождала, пока он сделает первый глоток, и спросила:

– Как его убили?

Перед тем как ответить, Медведев слегка помедлил, посверлил Марго своими медвежьими глазками-буравчиками, потом сказал:

– Замучили до смерти. Били, выкручивали руки, загоняли иголки под ногти.

Марго побледнела.

– Что с вами? – спросил Медведев.

Марго нахмурилась:

– Ничего. Не люблю, знаете ли, когда иголки используют не по назначению.

Медведев кивнул:

– Я тоже. Итак, Маргарита, пришло время поговорить начистоту.

– Я готова, – сказала Марго. – Но только при условии, что вы не будете так на меня смотреть.

– Как это – так?

– Так, словно это я убила вашего М. Ленского. А перед этим хорошенько над ним поиздевалась.

– Как знать, как знать... – тихо проговорил капитан. И, не дожидаясь бурной реакции Марго, продолжил: – Ладно. Первый вопрос такой...

И начался допрос. Подробный, нудный. Спрашивая и выслушивая ответы, капитан Медведев пристально и неотрывно смотрел Марго в глаза – ястребиным взором и с полным отсутствием всякого выражения на лице. Марго понимала, что он не имел ничего против нее самой. Профессия и жизненный опыт вынуждают его подозревать каждого, если на то имеются хотя бы малейшие основания. Но как же неприятно...

Наконец, когда самые важные вопросы касательно появления картины были заданы, а ответы получены, капитан сказал:

– Опишите мне картину.

Марго нервно повела плечами. Допрос ее сильно утомил, и не столько физически, сколько психологически.

– А что там описывать? – небрежно проговорила она. – Голая женщина сидит на диване.

– Блондинка или брюнетка?

– Кто?

– Женщина. Та, что на картине.

– Брюнетка. Под ней – синее покрывало. А шторы на окнах – красные. Вот, пожалуй, и все.

Капитан нахмурился и кивнул:

– Ясно.

– Что вам ясно? – повысила голос Марго, не в силах больше терпеть многозначительного тона капитана Медведева.

– Эта картина была похищена неделю назад у питерского коллекционера Линькова, – ответил он спокойным, невозмутимым голосом. Помолчал секунду и неохотно добавил: – Правда, это только предположение.

– Что значит – предположение?

– А то. Ее нет ни в одном каталоге мира. В питерскую милицию явился какой-то сумасшедший и заявил, что у него украли работу Амедео Модильяни. Он, видите ли, нашел ее на чердаке своего деревенского дома. Его прадед жил когда-то в Париже и привез оттуда дешевый пейзаж. От долгого лежания на чердаке холст отсырел, и краска начала осыпаться. Под верхним красочным слоем обнаружился еще один. Это и была картина Модильяни.

Медведев остановился, поскреб пальцем широкую переносицу и недовольно проговорил:

– Дело мы возбуждать не стали.

– Почему?

Капитан посмотрел в глаза Марго тяжелым взглядом и ответил вопросом на вопрос:

– Как можно похитить то, чего нет?

– Но ведь она есть! – начала горячиться Марго.

Медведев усмехнулся и слегка приподнял правое плечо.

– Может быть, есть, – сказал он. – А может быть, и нет.

Он достал из кармана пачку сигарет и вопросительно посмотрел на Марго.

– Курите, – махнула рукой Марго.

Капитан закурил, выпустил огромное облако белого дыма, похожее на взлохмаченного медведя или на большой стог сена, затем прищурился и посмотрел на Марго недоверчивым, подозрительным взглядом.

– Вы и правда отдали картину первому встречному? – спросил он.

Марго грустно усмехнулась:

– А вы что, мне не верите?

– Как вам сказать... – Он снова выпустил большое облако дыма. – В моей работе нельзя все принимать на веру, вы же понимаете.

– Значит, вы думаете, что я прикарманила вашего Мандильяни?

– Модильяни, – поправил Медведев. – Его звали Амедео Модильяни.

– Ну, пусть будет Модильяни. – Марго, безусловно, слышала это имя раньше, но от волнения и переживаний мысли в голове перепутались, и она бы сейчас не смогла вспомнить даже отчество собственной матери.

– Кстати, – снова заговорила Марго, – а сколько может стоить эта картина?

Капитан посмотрел на Марго, потом на стену у нее за спиной, потом на пол, перевел взгляд на окно, затем вновь впился взглядом Маргарите в лицо и сказал:

– Если это действительно Модильяни, то не меньше пяти миллионов.

– Рублей?

– Долларов.

Марго почувствовала, как внутри у нее что-то оборвалось. Она открыла рот, но ничего не смогла сказать. Тут она почувствовала в теле страшную слабость и тяжело откинулась на спинку стула.

– Вы хотите сказать, что вчера днем я подарила первому встречному пять миллионов долларов? – хрипло спросила Марго.

Капитан усмехнулся:

– За вычетом ста долларов, которые вы с него получили, – четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот долларов.

Марго сглотнула слюну и пробормотала:

– Какая же я дура.

– Рад, что вы смотрите на вещи объективно, – с мрачной усмешкой заметил капитан Медведев.

– Что?

– Ничего. – Медведев прерывисто вздохнул. – Я должен предупредить вас о возможной опасности. Люди, которые убили вашего соседа сверху, не остановятся, пока не найдут картину.

– Что же мне делать? – кисло спросила Марго. – Может, вы приставите ко мне охрану? Бандиты вернутся, чтобы разобраться со мной, и тут ваши люди возьмут их.

На этот раз капитан Медведев не стал усмехаться, он просто покачал головой и сказал:

– Увы, это невозможно.

– Почему? – дрогнувшим голосом спросила Марго.

– У нас слишком маленький штат сотрудников, – ответил капитан.

Марго приуныла еще больше.

– И что я теперь, по-вашему, должна делать? – тихо спросила она.

Медведев ответил обнадеживающе спокойно:

– Ничего особенного. Живите, как жили. А если случится что-то необычное – звоните.

– Необычное? – вскинула брови Марго. – То есть если меня убьют?

– Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Марго фыркнула:

– Замечательно! Если они меня прикончат, я выйду с вами на связь во время спиритического сеанса. У вас есть знакомый медиум?

– Нет, – спокойно ответил капитан Медведев, – знакомого медиума у меня нет. Единственное, что я могу для вас сделать, – это...

Тут он достал из кармана белый конверт и положил его на стол:

– Вот.

– Что – вот?

Медведев снова взял конверт, вынул из него цветную фотографию и протянул Марго:

– Взгляните сюда.

Марго взяла фотографию с некоторой опаской, словно боялась, что снимок взорвется у нее в руках. С фотографии на нее смотрели четверо мужчин.

– Кто это? – спросила Марго.

– Мы предполагаем, что эти люди могут охотиться за картиной, – ответил Медведев. – Этот снимок был сделан на выставке-аукционе «Живые краски». Толстяк посередине – это коллекционер Линьков, владелец картины. Слева и справа от него – весьма сомнительные личности. Тот, что с бакенбардами, известный мошенник, которого нам ни разу не удалось схватить за руку. Справа, высокий и худой, хозяин антикварного магазинчика, который закрылся полгода назад после довольно громкого скандала. Его фамилия Ленский.

– Тот самый М. Ленский, который жил надо мной?

Медведев кивнул:

– Да.

Марго нахмурилась.

– Жуть, – пробормотала она и снова посмотрела на снимок. Помимо коллекционера Линькова, мертвеца М. Ленского и странного субъекта с бакенбардами, тут был еще один мужчина. Видимо, в тот момент, когда фотограф нажимал на кнопку спуска, этот мужчина отступил в тень и дернул головой. Лицо его расплылось. Со всей определенностью можно было сказать только то, что он среднего или чуть выше среднего роста.

– А кто этот – с расплывшейся физиономией? – поинтересовалась Марго.

Капитан Медведев вздохнул:

– Этого мы не знаем.

– Ясно. – Марго усмехнулась. – Таинственный незнакомец. В детективных романах именно он всегда оказывается главным злодеем.

Марго взглядела в лицо мужчины с бакенбардами. Абсолютно обычное лицо: глаза, нос, рот – все как у миллионов других мужчин. Кроме бакенбард, взгляду и зацепиться-то не за что.

– Ну? – спросил капитан. – Что скажете?

Марго пожала плечами:

– Бакенбарды старомодные. Сейчас таких не носят.

Капитан вздохнул и угрюмо посмотрел на Марго.

– Я спрашиваю не про бакенбарды, – терпеливо проговорил он. – Знакомы вам эти лица или нет?

Марго покрутила головой:

– Нет. Абсолютно.

– Мы полагаем, что если картина и впрямь была похищена, то это их рук дело, – сказал Медведев.

– Вот как? Послушайте, капитан, но, если эти люди аферисты, почему они стоят вместе с хозяином картины?

– А вы думаете, они подходят к человеку и говорят: «Здравствуйте. Мы аферисты. Приятно познакомиться»? Нет. Обычно они выдают себя за вполне солидных людей. За знатоков искусства, коллекционеров.

– Но вы-то знаете, что они аферисты?

– Догадываемся.

– Тогда почему вы их не арестуете?

Капитан грустно улыбнулся:

– За что? Доказательств у нас нет. – Капитан чуть прищурил темные глаза и едва заметно улыбнулся: – Как знать, возможно, мы получим их с вашей помощью.

– Ага, – кивнула Марго. – Снимете бандитов с моего бездыханного тела. Благодарю покорно.

Медведев забрал фотографию и встал из-за стола.

– Мне пора, – сказал он. – Если увидите кого-нибудь из мошенников, изображенных на фотографии, сразу звоните мне.

– Само собой, – буркнула Марго. – А вы уверены, что не можете выделить мне охрану?

– Уверен.

– Жаль.

– Мне тоже.

Уже у двери Медведев вдруг обернулся и сказал:

– Можно вопрос?

– Валяйте, – обреченно проговорила Марго.

– Вы и в самом деле ничего не знаете о человеке, которому отдали картину?

Марго покачала головой:

– Нет. Абсолютно ничего.

Капитан пристально посмотрел на Марго и усмехнулся:

– Интересная вы женщина. Ладно, будьте осторожны.

Он вышел из квартиры. Марго вновь осталась одна.

Сидя в кресле с чашкой кофе в руке, она представила, как человеку под ногти загоняют иголки, и поежилась. То еще удовольствие.

В обычной ситуации черный юмор мог бы оказаться настоящим спасением, потому что смехом можно развеять любую печаль. Но не сегодня. Настроение продолжало оставаться подавленным. Беседуя с Медведевым, она все время пыталась понять, почему же ей так

скверно. Наверху убили мужчину, которого она, возможно, даже никогда не видела. А теперь и не увидит. И что с того?

Какой-то мерзавец забрался в ее квартиру, перепутав ее с квартирой... усопшего. Но ведь в жизни и не такое бывает. По роду своей профессии Марго приходилось бывать в переделках и похуже этой. И мертвецов она видела. И даже делала репортаж из городского морга. И ничего, не унывала. За три года работы журналистом Марго успела стать настоящим циником – бесстрашным, насмешливым, привыкшим «скользить по верхам», не вдаваясь в суть проблемы. Так делали все ее собраты по перу.

Чем легче идешь, тем дальше заведет тебя дорога. А будешь унывать и обмусоливать каждый факт – станешь невротиком, а то и вовсе лишишься рассудка. Так уж устроен мир.

Руководствуясь неписанным корпоративным правилом, Марго привыкла жить одним днем и идти по жизни с ветром в голове и улыбкой на губах. Но почему сейчас на душе у нее так погано? Что с ней происходит?

И тут Марго поняла, что не может себя больше обманывать. Надо смотреть правде в глаза. Ее подавленное настроение является следствием страха. А источник страха – вот он: убитого звали М. Ленский. Измени в окончании фамилии две буквы, и получится... Нет, лучше об этом не думать.

А о чем тогда? О пяти миллионах долларов – вот о чем!

Глава 3

Предложение Линькова

Париж, июнь 1910 года

1

Бывший поручик Андрей Иванович Линьков был человеком смелым и гордым, однако, подобно древним монгольским воинам, военную доблесть ставил много выше простой человеческой искренности.

Военное искусство научило Линькова тому, что города и крепости берутся не только смелостью, но и хитростью, а также тому, что на войне, как и в любом грязном деле, побеждает не самый честный, а самый беспринципный.

Будучи хорошим воякой, Линьков выждал двадцать секунд, а затем вышел из кафе вслед за Анной.

Ее стройная, высокая фигура маячила впереди. Бывший поручик был уверен, что она не станет оглядываться (гордые люди редко оглядывались, а она, несомненно, была горячкой), а потому он шел за ней, почти не таясь.

Так они прошли четыре квартала. Тут Анна замедлила ход и стала внимательно смотреть на номера домов и дощечки с названиями улиц, сверяя их с какой-то бумажкой, которую сжимала в руке.

Наконец она остановилась. Линьков спрятался за дерево. С полминуты госпожа Гумилева стояла на тротуаре, хмуря лоб и кусая губы. Она явно на что-то решалась.

«Ну, давай, – думал с усмешкой Линьков. – Покажи, что ты на это способна».

Наконец Анна вышла из задумчивости. Она сдвинулась с места и сделала неуверенный шаг. Затем еще один – чуть менее неуверенный. Затем она решилась окончательно, а решившись, больше не медлила и зашагала к дому с такой стремительностью, что даже Линьков, наблюдавший за ней из-за дерева, покачал головой.

Когда она скрылась из вида, бывший поручик подошел к дому, остановил бредущего мимо клошара и спросил:

– Любезный, вы не знаете, кто живет в этом доме?

Клошар задрал голову и посмотрел на дом.

– Это мастерская художника, – ответил он.

– Вы знаете имя этого художника? – осведомился Линьков и достал из кармана бумажник.

Клошар глянул на бумажник, облизнул губы и торопливо проговорил:

– Мсье, я не знаю его точного имени, но знаю, что друзья называют его Моди.

– Вот как. – Линьков усмехнулся. – И что, этот Моди пьяница?

Клошар покачал плешивой головой:

– Нет, мсье.

– Наркоман?

– Не думаю.

– Гм... – Линьков задумчиво потер пальцами подбородок. – Странно, – пробормотал он. – Впрочем, это легко исправить. Спасибо, любезный, вот тебе награда.

Он сунул в протянутую руку клошара монету, повернулся и зашагал прочь. В голове Линькова созрел четкий план действий. Кто-то мог назвать этот план подлым и низким, но бывший поручик не забивал себе голову подобными пустяками. На войне и в любви все средства хороши.

И если эта высокомерная особа готова возлечь на заляпанное дешевой краской ложе, то почему бы ей не разделить с ним его кровать, которая одна стоит дороже, чем вся мазня этого самонадеянного итальяшки?

Линьков зловеще усмехнулся и зашагал прочь.

2

– Вы пришли! – взволнованно воскликнул Модильяни, вскакивая со стула и сверкая глазами. – Как я хотел, чтобы вы пришли!

Он бросился к Анне и взял ее под руку. Анна не возражала. Она с интересом оглядела стены мастерской, увешанные огромными – от пола до потолка – картинами. Здесь не было ни натюрмортов, ни жанровых сцен. Только портреты.

– А вы действительно талантливы, – сказала Анна. – И своя манера у вас есть.

– Да, я знаю, – кивнул художник так, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Хотите присесть?

– Да, пожалуй.

Художник усадил ее на потрепанное сомье.

– Обычно здесь сидят натурщицы, – сообщил он. И с гордостью добавил: – Это самое лучшее место в мастерской.

– Что же в нем такого особенного? – поинтересовалась Анна.

– Оно лучше других освещено. Свет, проходя через стекла окон, преобразуется в сгустки энергии, и в этом самом месте энергетические линии сплетаются в единый узел. Вы сидите в средоточии света!

Анна медленно повела плечами.

– И свет сошел на нее, – насмешливо проговорила она.

Модильяни не улыбнулся. Он пристально разглядывал лицо Анны, чуть отстранившись и слегка прищулив левый глаз. Это продолжалось довольно долго. Наконец он негромко проговорил:

– Если бы вы знали, о чем я сейчас думаю, вы бы приняли меня за сумасшедшего!

– Это несложно, – спокойно сказала Анна и, в свою очередь, так же пристально взглянула ему в глаза. – Вы думаете о том, что я – не я, а египтянка, которая переместилась во времени. Я сохранила черты лица, но, проходя через волны времени, они немного изменились, стали более пригодными для нынешней эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.